

ИНТЕРВЬЮ

ДВА ПИСЬМА ШАРЛОТТЕ

«ШАРЛОТТА, моя любимая, несчастная Шарлотта! Да-да, я люблю тебя за твою чистоту, за твою душу и за любовь твою! Сколько горя принесла она тебе, и как страшно — знать, что любишь, что любила и что все безнадежно. Как страшно тебе жить среди людей, таких тупых, самодовольных, больше всего боящихся сделать то, что не принято. Как я жалею таких людей и как ненавижу! Я думаю, что было с тобой, моя дорогая Лотта, после смерти Вертера, в той страшной комнате, где он застрелился? Сколько сил стоила после этого жизнь! И жила ли ты потом? Да, ты жила, ради детей своих, хотя и умерла вместе с ним в той комнате.

Лотта, через столько лет я возвращаю тебе жизнь, я повторю сегодня твою судьбу и жду, жду встречи с Вертером, как ты ждала! Я знаю, как страшно мне будет все пережить — и тот выстрел, и ту комнату. Я буду плакать твоими слезами, болеть твоей любовью, мучиться твоей таймой от всех мукой. Но я все сделаю ради вашей любви, разлуки, которая не разлучает, а оборачивается неразрывностью...» — так писала 26 октября 1974 года своей героине Шарлотте из оперы Ж. Массне «Вертер» замечательная певица, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Елена Образцова. Это было в Марселе, где она впервые спела Шарлотту.

Прошло двенадцать лет, и вот новая премьера оперы Массне.

На русской и советской сцене она шла крайне редко. Впервые поставленная в 1892 году в Вене, она лишь четыре года спустя была показана в России на сцене Мариинского театра. Известны три московские постановки «Вертера» — 1904 года в Новом театре и две режиссерские работы выдающихся советских певцов: — Ивана Семеновича Козловского в 1938 году в Государственном ансамбле оперы СССР и Сергея Яковлевича Лемешева в 1957 году на сцене Большого театра. В каждом из этих спектаклей они исполнили главные партии.

Мы с волнением ждали первого спектакля, который стал режиссерским дебютом Елены Образцовой и где она выступила в роли Шарлотты. А пока шли репетиции, мы взяли интервью у Елены Васильевны. Лишь поздно вечером мы смогли побеседовать с ней. И мой первый вопрос певице касался письма, написанного героине.

— Елена Васильевна, как непривычно читать письмо, адресованное литературному персонажу... Любопытно, почему вы его написали?

— В мировой музыкальной литературе есть не так уж и много лирических партий для меццо-сопрано. Шарлотта — одна из них. Я учила музыку Массне, параллельно перечитывая «Страдания молодого Вертера» Гете. И нашла абсолютные совпадения литературы с музыкой. Совпадения и по мысли и по настроению. Эта музыка дорога мне своим романтизмом, своим бездонным лиризмом. Поэтому, когда Марсельская опера пригласила меня спеть Шарлотту, я очень обрадовалась. Над спектаклем работала талантливая группа музыкантов,

но все-таки это была обычная постановка. Музыкального открытия в ней не было, хотя я плакала и страдала — так мне жаль было моего любимого Вертера. А перед последним спектаклем я вдруг ощутила, что иссякла эмоционально. Я испугалась, что не смогу передать всего, что заложено в музыке. Мне нужен был заряд. Я шла по марсельским улицам, думала о Шарлотте и мысленно сочиняла ей признание в любви. И так забылась, что попала под автобус. Собралась толпа, платье на мне было порвано, слава богу, что автобус меня не переехал...

— Когда же вы написали письмо?

— Сразу же после этого случая. Пришла в отель и написала. А вечером пела спектакль.

— Когда я узнал о ваших письмах Шарлотте, я подумал — очередная легенда, которыми так богата театральная жизнь...

— Нет, письма эти так же реальны, как то, что вы сидите рядом со мной и мы беседуем...

— Для меня эта встреча из мира фантазии. Но ведь было два письма?

— Да, второе написала, уже улетая из Марселя. Я прочту его.

«До свидания, Марсель, до свидания Шарлотта! Мы уже летим над городом. Солнце. Я счастлива и очень грустна. Вчера я прожила твою жизнь, моя Шарлотта. Вертер умер у меня на руках: я баюкала его, как ребенка, не веря, что его больше нет. И это длилось долго, пока занавес не опустился и я не пришла в себя. Я расстаюсь с тобой, Лотта. Теперь новые заботы. Как всегда, много учу, голова устаёт, и тело потом болит. Хочу многое спеть. Но внутри все пусто, все сгорело, все отдано и еще не обретоно». — Елена Васильевна замолчала. — Знаете, за что я люблю театр? Люблю за то, что он продлевает меня, мое бытие, даря мне много чужих жизней. Сколько их прожито за время работы в театре! И вот впереди еще одна — жизнь Шарлотты.

— Зрители и слушатели во многих странах мира знакомы с этой вашей работой. Вы не боитесь повториться?

— Опера — искусство сиюминутное, и результат нашей работы зависит от множества факторов: партнеров, дирижера, от того, какая я сегодня, что меня волнует в данный момент.

Спектакль создают замечательные музыканты — дирижер и музыкальный руководитель постановки Альгис Жюрайтис, молодые артисты Ирина Журина, Марина Шутова, Владимир Богачев, Игорь Морозов, Александр Федин... У нас очень интересный художник — Виктор Вольский.

Мне нравится репетировать с молодыми исполнителями. Покорят их жажда работы, увлеченность...

Сколько людей участвуют в создании оперного спектакля! Невидимых, незримых и бесконечно преданных постановке: художники, декораторы, костюмеры, осветители, бута-

форы и многие, многие другие, которым я благодарна за эту неиссякаемую любовь к Театру! Счастлива, что узнала этих людей, что увидела эту любовь и красоту! Красоту человеческой любви. О чем и повествует наш спектакль, в чем есть суть нашей постановки.

Я уверена, что повторений не будет. К примеру, необыкновенная чистота Вертера — Богачева рождает в моей Шарлотте сильную страсть, не чувственную, а как бы вам сказать... это страсть нежная, романтическая и в своем порыве оставляющая далеко внизу все обыденное...

Я слушаю ее и удивляюсь. Она говорит о своей героине, о бесконечной силе ее переживаний, как о себе.

— Наблюдая за вами во время работы, я поражаюсь вашей беззаветной преданности музыке и беспредельному трудолюбию, не знающему усталости. И мне кажется, что вы работаете на износ.

— Певец не должен вокально отдыхать. Эмоционально — да, а вокально — нет! Тренируйся — каждый день. Пение для меня не работа. Без те-

атра, без музыки я начинаю задыхаться. Как я хочу жить, жить долго, чтобы петь, чтобы быть счастливой в музыке!

... ПЕРЕРЫВ закончился, и Образцова снова вышла на сцену.

Наблюдая за ней в эти моменты, действительно убеждаешься — она живет в музыке, отдаваясь сиюминутному состоянию чувств, импровизирует на ходу. На ее репетиции царит удивительно доброжелательная, раскрепощенная атмосфера.

А как выглядит Образцова со стороны, вне сцены?

Она прекрасна! И не потому, что хочет казаться прекрасной, она рождена прекрасной. Видишь это по любому ее движению, жесту, по тому, как она смотрит на собеседника. Могут сказать, что она горда. Если да — то это своеобразная защита. Она уверена в том, что делает на сцене, и эта уверенность иным людям может показаться гордыней.

По своим масштабам ее работы очень значительны. Но как трудно то, что она делает!

...Пошла последняя сцена.

Чувствую, что сбилось дыхание. Потом музыка закончилась... Я испытал физическое страдание оттого, что уже не повторится тот миг какого-то земного небытия...

Прощаясь с Еленой Васильевной, прошу ответить на два вопроса:

— Через несколько дней премьера. Простите, вы волнуетесь?

— Безумно! Раньше боялась от неумения, теперь от умения. От меня ведь многого ждут. И я не должна обмануть ожидания зрителей.

— Вы верите в счастливый случай, в везение?

— Нет. Верю только в работоспособность. Работать надо всегда, при любых обстоятельствах. В этом залог и успеха, и самовыражения и путь к постижению сокровенных тайн искусства. И чем увлеченнее я занимаюсь музыкой, тем больше мне хочется сделать, хотя растет беспокойство, успею ли я завершить все это за те годы, которые мне отпущены. Это меня подхлестывает. В этом трудность, в этом и счастье...

В. ГАЛИЦИН,
Фото А. АСТАФЬЕВА.